

Глава VI.

Молитва, во еже назнаменати отрока, приемящее имя во осьмый день рожденія своего.

Время появленія этого чинопоследованія. Самые древніе извѣстные чины этого рода. Возможность отнести происхождение этого чина къ IV или V вв. Обзорніе разсматриваемаго чина въ VIII—XI вв. Тотъ же чинъ въ практикѣ Греческой церкви съ XIV в. Разсматриваемый чинъ въ современной практикѣ Русской церкви. Историческое обзорніе его совершенія въ практикѣ этой церкви.

Говоря въ предыдущей главѣ о принятіи въ разрядъ оглашеннѣхъ, мы имѣли въ виду актъ или чинъ, имѣющій отношеніе только къ возрастнымъ лицамъ. Между тѣмъ въ нашихъ требникѣхъ тотъ же самый чинъ существуетъ и по отношенію къ младенцамъ подъ именемъ: „Молитва, во еже назнаменати отрока, приемящее имя во осьмый день рожденія своего“. Такимъ образомъ, намъ нужно разсмотрѣть еще то же самое чинопоследованіе въ его приложеніи къ младенцамъ, имѣющимъ получить крещеніе.

Прежде всего, конечно, возникаетъ вопросъ о происхожденіи этого чина. Отвѣтъ на него далеко не такъ легко дать, какъ можетъ представляться съ перваго взгляда. Это объясняется очень просто, и именно тѣмъ, что до довольно поздняго времени мы не находимъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній, прямо относящихся къ отвѣту на поставленный вопросъ. Не говоримъ уже о первыхъ трехъ вѣкахъ; даже церковная литература слѣдующихъ за тѣми вѣковъ и по крайней мѣрѣ до VIII в. не дастъ здѣсь никакихъ свѣдѣній. Самые первыя по времени свѣдѣнія объ этомъ чинѣ, которыя мы имѣемъ подъ руками, заключаются

въ епикологии *Гоара* и относятся—самое большее—къ VIII вѣку. До этого вѣка въ памятникахъ древней церковной литературы въ отвѣтъ на свой вопросъ мы получаемъ одно молчаніе.

Однако нельзя же сказать, чтобы этотъ чинъ явился вдругъ въ VIII вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что у *Гоара*, взявшаго его изъ древнихъ манускриптовъ, онъ является уже болѣе или менѣе сформированнымъ. Благодаря послѣдшему факту, очевидно, происхожденіе этого чина необходимо нужно отнести къ болѣе раннему времени, чѣмъ то, въ какое мы встрѣчаемъ его въ первый разъ. Но считая древнее его происхожденіе несомнѣннымъ, мы вѣсегъ съ тѣмъ должны отказаться отъ точнаго опредѣленія этого времени,—и можемъ представить только возможно-приблизительное рѣшеніе этого вопроса, на основаніи нѣкоторыхъ побочныхъ соображеній.

Прежде всего за болѣе раннее происхожденіе этого чина вообще — положительно говоритъ тотъ фактъ, что въ книгѣ *Martene* „De antiquis ritibus“, въ отдѣлѣ чинослѣдованій подъ именемъ „Ordo ad catechumenum faciendum“, мы встрѣчаемъ подобныя чины назначенныя для младенцевъ, которые по своему характеру относятся ко времени также около VIII в. и даже ранѣе. Правда, *Martene*'у не всегда можно докѣрять въ опредѣленіи времени происхожденія представляемыхъ имъ въ данномъ случаѣ чинослѣдованій,—особенно когда дѣло касается тѣхъ изъ нихъ, которыя онъ относитъ къ весьма древнему времени. Однако если допустить только что рассматриваемый нами чинъ около VIII в. существовалъ уже во всей церкви,—то и это одно говоритъ за происхожденіе его изъ самой глубокой христіанской древности.

Съ другой стороны наше предположеніе, кажется, подтверждаетъ и слѣдующій фактъ. Какъ мы увидимъ

(1) *Martene*. „De antiquis ritibus“, pars. 1, cap. 1, Art. VII ord. II. Rotomag. 1700, pag. 37—42.

ниже, восприимчивость являлось сравнительно слиткомъ рано, такъ что мы находимъ свидѣтельство за существованіе его еще въ III вѣкѣ. Правда, оно было вызвано не фактомъ крещенія дѣтей, но другими причинами,—но уже въ IV вѣкѣ оно утвердилось, благодаря постепенно входившему въ практику церкви крещенію младенцевъ. Говоря о тѣхъ обязанностяхъ, которыя налагались древнею церковью на восприимника, какъ дѣйствующаго лица при актѣ крещенія, мы увидимъ, что еще въ IV вѣкѣ, при крещеніи младенцевъ, восприимники обяваны были, вмѣсто послѣднихъ, проносить отреченіе отъ діавола, сочетаніе Христу и исповѣданіе вѣры. Такимъ образомъ, отсюда видно, что еще въ IV вѣкѣ крещаемые младенцы прежде крещенія дѣлались оглашаемыми. Этотъ фактъ, естественно, предполагаетъ, что въ тоже время надъ имѣющими креститься младенцами совершался и актъ принятія въ оглашенные, соединявшійся, обыкновенно, съ нареченіемъ имени. Въ подтвержденіе этого можно указать на свидѣтельство *Беодульфи Аврамѣанскаго*, представленное нами при началѣ изслѣдованія объ оглашеніи, какъ наставленіи. Упомянувъ здѣсь объ оглашеніи младенцевъ, онъ говоритъ о немъ, какъ фактъ, вошедшемъ въ силу въ церковной практикѣ въ давно-минувшіе дни.

Кромѣ этого, за раннее происхожденіе разсматриваемаго чина не мало говоритъ еще и то, что нареченіе имени, составляющее сущность даннаго акта, какъ фактъ религіозный, не есть явленіе случайное и явившееся только въ христіанствѣ. Имя почти у всѣхъ народовъ всегда имѣло особенное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе религіозное. Поэтому и нареченіе имени у многихъ народовъ носило характеръ религіознаго обряда. (1)

(1) «Истор. религ.» Спб. 1870, т. I, стр. 50, 212, т. III, стр. 243, т. VI, Спб. 1872, стр. 230—452. Подробный перечень относящихся сюда фактовъ см. *Смирновъ*. «Богослуж. со временъ апостоловъ до IV». Труды К. Ак. 1875 г., т. IV, стр. 126—128.

Словоиъ. обрядъ нареченія имени не есть фактъ условный но имѣющій для себя подделку въ религіозныхъ воззрѣнїяхъ человѣка на значеніе имени. Изъ этого уже понятно, что обрядъ нареченія имени, какъ обрядъ церковный, долженъ былъ явиться въ христіанскомъ культѣ гораздо ранѣе, нежели къ какому времени отвосятся извѣстныя намъ въ этомъ случаѣ самыя древнія памятники.

Вообще, кажется, нельзя сомнѣваться, что чинослѣдованіе, извѣстное теперь подъ именемъ молитвы „во еже наименовати отрока, приемающее имя во осмый день“,— конечно, въ менѣе сложной формѣ, получило свое начало далеко ранѣе VIII вѣка. Но какъ оно совершалось до этого времени,—мы не можемъ ничего сказать, за не имѣніемъ историческихъ данныхъ. Свидѣнія, доступныя намъ въ данномъ случаѣ, не восходятъ ранѣе VIII вѣка,—поэтому и свое историческое обзорѣніе рассматриваемаго нами чинослѣдованія мы начнемъ съ этого времени, пользуясь главнымъ образомъ свхологіемъ *Гоаръ*.

Гоаръ представляетъ этотъ чинъ, какъ онъ былъ въ VIII—IX в. по списку *Varberinum S. Marti*. Въ этомъ спискѣ рассматриваемый актъ, сравнительно съ его совершеніемъ въ настоящее время, вообще представляется короче и ограничивается только чтеніемъ молитвы употребительной въ данномъ случаѣ и въ настоящее время, т. е. чтеніемъ молитвы: „Господи, Боже нашъ, Тебѣ молился и тебя просишь, да знаменается свѣтъ лица Твоего“ и проч. Тѣхъ же предварительныхъ дѣйствій, которыя полагаются въ этомъ случаѣ предъ чтеніемъ данной молитвы въ настоящемъ требникѣ, мы не видимъ. Также надо сказать и относительно акта слѣдующаго за чтеніемъ этой молитвы въ совершеніи чина въ настоящее время, акта, когда священникъ беретъ на руки младенца, становится предъ дверями храма или предъ образомъ Божіей Матери и читаетъ тропарь: „Радуйся благодатная...“ (1).

Впрочемъ, отрицать здѣсь употребленіе крестнаго знаменованія дитяти, какъ это полагается теперь предъ на-

(1) *Сост. „Визуалъ“, pag. 264—5.*

реченіемъ имени, совершенно нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, мы имѣемъ полное право предполагать, что оно употреблялось въ данномъ случаѣ, потому что разсматриваемая нами молитва и въ спискѣ этого вѣка носила тоже заглавіе, что и въ настоящее время ⁽²⁾.

Временемъ нареченія имени въ VIII IX вв., какъ и теперь, было 8-й день. Съ какого времени установилась подобная практика.—сказать точно нельзя. Тѣмъ не менѣе положительно можно думать, что этотъ срокъ для назначенія имени былъ опредѣленъ церковью изъ глубокой древности вмѣстѣ съ появленіемъ самаго акта. Такъ можно предполагать судя по основаніямъ, которыми церковь руководилась при назначеніи этого срока. Послѣдними, по всей вѣрности, служили: съ одной стороны, тотъ фактъ, что въ греко-римскомъ культѣ всегда существовалъ обычай нарекать имя не раньше, какъ въ восьмой день по рожденіи младенца ⁽³⁾, а съ другой стороны, особенно тотъ фактъ, что въ іудейскомъ культѣ нареченіе имени младенцу совершалось также въ восьмой день, и что самъ Спаситель принялъ имя въ этотъ день, вслѣдствіе чего церковь, назначая для принятія имени осмидневный срокъ, видѣла въ этомъ явленіи аналогичное съ фактомъ изъ младенческой жизни Спасителя ⁽⁴⁾.

Всегда ли этотъ актъ въ данное время совершался именно въ восьмой день,—положительно сказать нельзя. Но руководясь тѣмъ, что крещеніе младенцевъ, какъ увидимъ мы ниже, весьма нерѣдко совершалось и тотчасъ по рожденіи, можно думать, что и нареченіе имени новорожденному часто совершалось именно въ это время.

Точно въ такомъ же видѣ, какъ и въ VIII—IX вв., разсматриваемый нами актъ совершался и въ X—XI вв. Такъ можно думать на основаніи Кристоферратскаго списка, издан-

⁽²⁾ Ibid. pag. 264.

⁽³⁾ Ноар. *Евхолог.* St. 1730, pag. 236.

⁽⁴⁾ Въ подобномъ родѣ объясненіе этого обычая мы находимъ у Симеона Солунскаго, когда онъ говоритъ: «У іудеевъ въ восьмой день совершалось обрѣзаніе, а теперь мы вѣрнее получаемъ въ тотъ

наго въ свхологіи Гоара⁽¹⁾ и одной изъ рукописей Севастьяновскаго собранія Московскаго Румянцевскаго Музея. Правда, въ послѣднемъ случаѣ мы не имѣемъ цѣлаго чина назнаменованія отрочати подъ нашими руками находится только первая его половина (до половины молитвы); но на основаніи буквальнаго сходства этой половины съ тѣмъ же самымъ въ Барбериновскомъ мы имѣемъ полное право заключать къ буквальному тождеству и остальной части. Самое назнаменованіе и теперь совершалось въ 8-й день, какъ видно изъ заглавія чина, которое буквально тождественно съ настоящимъ⁽²⁾.

За XII вѣкъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Что же касается до XIII вѣка, то, согласно указаніямъ Гоара⁽³⁾, и въ это время разсматриваемый актъ совершался точно такимъ же образомъ, какъ и въ VIII вѣкѣ. Такое соотвѣтствіе практики VIII вѣка съ практикою до XIII вѣка, естественно, даетъ намъ полное право заключать, что и въ XII вѣкѣ молитва надъ младенцемъ при принятіи имъ имени совершалась точно также, какъ и въ VIII вѣкѣ.

За XIV вѣкъ у насъ имѣется два чина „назнаменованія отроча“, но эти чины уже не представляютъ единства ни съ чиномъ предыдущей практики, ни между собою. При томъ же самомъ заглавіи, они вообще гораздо болѣе сравнительно съ прежними чинами. Впрочемъ это восполненіе относится въ данномъ случаѣ только къ первой половине чина. Между тѣмъ, какъ въ прежнее время мы не видимъ

же день имъ, сообразно съ тѣмъ, что осмой день знаменуетъ обновленіе... Имъ получаетъ младенецъ въ осмой день, подобно Спасителю, нареченному спасительнымъ именемъ „Иисусъ“ (De sacramentis. cap. LX Curs. Complet. Patrolog. Ser. Graec. Tom. CLV. col. 204. въ русск. пер. „Пис. отц и учит. относ. къ истоки. богосл.“ Том. 1, стр. 47).

(1) По списку Cryptoferr. Bessarionis изложеніе разсматриваемаго чина буквально тождественно съ тѣмъ же самымъ въ спискѣ Barberinush. S. Marci. Goar. *Evxолоу*. Ed. 1730. pag. 264—5.

(2) *Evx. риз. Румянц. муз. (Сев. собр.)*; № 474. г. 46 об. ср. *Evxолоу*. Goar. Ed. 1730. pag. 264—5.

(3) Goar. „*Evxолоу*“. Ed. 1730, pag. 265.

никогого устава предъ чтеніемъ молитвы, теперь онъ является не въ одинаковомъ видѣ. Въ одномъ случаѣ мы видимъ его въ формѣ весьма близкой къ настоящей, и, между прочимъ, находимъ наставленіе только знаменовать, и при томъ однажды, чело, уста и грудь⁽¹⁾. Въ другомъ же уставѣ читается такимъ образомъ: „ὄφείλεις ποιῆσαι οὕτως; ἔξω τῆς ἐκκλησίας ἐμδυσθῆσαι εἰς τὸν πρόβωπον αὐτοῦ σταυροειδῶς τρίτον, ὁμοίως καταβραυῖσαι μετὰ τοῦ χειρὸς τρίτον“⁽²⁾. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ въ XIV вѣкѣ практика была далеко не одинакова. Если въ одномъ случаѣ она была тождественна съ настоящей, то нерѣдко бывало и такъ, что предъ чтеніемъ молитвы вмѣсто однократнаго, употребляли троекратное крестное знаменіе и въ этому еще присоединялось, какъ и при заклинаніяхъ, троекратное дуновеніе. Во введеніи въ практику послѣдняго обычая, кажется, нельзя не видѣть вліянія латинской практики, гдѣ при нареченіи имени издревле практиковалось и дуновеніе⁽³⁾.

Самый чинъ, какъ и прежде, начинался прямо чтеніемъ молитвы: „Господи Боже намъ, Тебѣ молимся“...; обычнаго начала, которое полагается теперь при „назnamenованіи отпочати“, мы не видимъ.

Что касается до заключительной части разсматриваемаго чина XIV вѣка, то въ этомъ случаѣ онъ сходель съ чинами прежняго времени, т. е., послѣ чтенія молитвы не говорится ни о какихъ дѣйствіяхъ. Только въ одномъ чинѣ по окончаніи молитвы прибавлено: „δεῖ γινώσκειν, ὅτι τὸ γεννηθὲν βορέθος ἔαν ἀρα καὶ ἀθθενοῦν...“, т. е., увѣщаніе: „подобаетъ вѣдати, яко рожденный младенець, аще убо не моществуетъ“... и проч.⁽⁴⁾.

(1) *Τακτικόν* Іоанна Кантакузена, рип. М. Синод. библ. № 279, л. 212—214.

(2) *Ευχ.* Рип. Румынц. муз. Сев. собр. № 472, л. 203 об.

(3) *Martene* „De antiquibus. ritibus“. Pars. I. Art. VII.

(4) *Τακτικόν* Іоанна Кантакузена. рип. М. Синод. библ. № 279: ст. 212—214.

За XV в. данныхъ въ этомъ случаѣ достаточно. „Въ осьмой же день, говоритъ свидѣтель XV в. *Симеонъ Солунскій*, младенецъ приносится къмъ либо предъ лице Божіе, и предъ дверьми (церковными), какъ неосвященнаго еще крещеніемъ, запечатлѣваетъ его іерей крестнымъ знаменіемъ на челѣ, устахъ и персяхъ, и съ священною молитвою даетъ ему имя, какое бы пожелали родители, съ которыми онъ и крещается (¹).

Изъ этого свидѣтельства не трудно видѣть, что даже и во время Симеона Солунскаго разсматриваемый актъ былъ всетаки короче въ своемъ совершеніи, нежели въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, еслибы при назменованіи младенца произносился тропарь: „Радуйся Богородице Дѣво“, то при той подробности, съ какою *Симеонъ Солунскій* сообщаетъ данныя о богослужбной практикѣ своего времени, онъ не преминулъ бы упомянуть и объ этомъ.

Точно въ такомъ же родѣ, добавимъ, совершеніе разсматриваемаго акта излагается и въ чинахъ этого времени, съ тѣмъ только различіемъ, что предъ чтеніемъ молитвы въ немъ, какъ было и прежде, полагается троекратное дуновение и троекратное знаменованіе (²). При этомъ во второмъ Барберинскомъ спискѣ относящемся приблизительно къ этому времени, вмѣсто произнесенія тропаря „Радуйся Богородице“ и совершенія соединенныхъ съ этимъ дѣйствій рекомендуется дѣлать слѣдующее: священникъ долженъ взять дитя, внести его въ церковныя двери и читать не употребляющуюся теперь молитву: „Господи Боже нашъ, источникъ благословеній, иже ради невинности охраняеши дѣти“ и пр. (³). Судя по единичности такого рода памятника можно думать, что и рекомендуемая имъ въ послѣднемъ случаѣ дѣйствія мало имѣли applicatіона на практикѣ.

(¹) *Симеонъ Солунск.* „De Sacramentis“, cap. LIX. Curs. Compl. Patrol. Ser. Graec. Tom. CLV, col. 209, „Пис. Отц. отн. къ Богослуж.“ т. II. Спб. 1856. стр. 46.

(²) *Вуз.* рко: М. Свв. библ. № 280 л. 85 об.

(³) *Goar. Eucholog.* ed. 1730; pag. 265.

Согласно евхологію *Гвара* (¹), въ XVI вѣкѣ уже установился тотъ самый чинъ „назнаменованія отрочати“, который мы видимъ въ современномъ греческомъ требникѣ (²). Однако окончательное введеніе современнаго чина вужно отнести къ болѣе позднему времени именно ближе къ XVII вѣку (³).

Что же касается до XVI вѣка, то въ это время современный чинъ „назнаменованія отрочати“ только что началъ устанавливаться. Поэтому то на ряду съ чиномъ, одинаковымъ по своему изложенію съ современнымъ, мы встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ и чинъ болѣе близкій къ древней практикѣ, состоящей изъ одной только молитвы „Боже нашъ, тебѣ молимся“... и при томъ съ новою особенностію, и именно съ тою, что назнаменованіе отрочати, согласно этому чину, должно совершаться не предъ молитвою, а послѣ нея (⁴).

Въ Русской церкви современное совершеніе этого акта буквально тождественно съ современнымъ совершеніемъ его въ греческой церкви. Въ Греческомъ требникѣ, или евхологіи, мы находимъ даже и ту замѣтку, которая помѣщается въ нашемъ требникѣ въ концѣ этого чина и говоритъ о томъ, что при болѣзненномъ состояніи младенца не должно медлить его крещеніемъ (⁵).

Но какъ совершался этотъ чинъ въ древней Русской церкви XII—XIII вв., мы не имѣемъ свѣдѣній. Что совершалось назнаменованіе младенца и совершалось именно въ осьмой день отъ рожденія его, этотъ фактъ не подлежитъ

(¹) *Goar. Evxoloy. pag. 264—5.*

(²) *Evx. Venet. 1839 г., pag. 122—3.*

(³) Ср. *Evx. Goar pag. 264—5, edit. 1730; Evx. Rom. 1754 г. pag. 122—123; Evx. Venet. 1839, pag. 122—123.*

(⁴) *Evx. рукоп. Румянц. Муз. Сев. собр. № 473, л. 6 об.*

(⁵) Ср. «Слав. треб.» съ „*Evx.*“ *Venet. edit. 1839 г.* Впрочемъ замѣтки нашего требника: «или предъ образомъ Пресвѣтыя Богородицы», — помѣщенной въ концѣ чина нареченія имени, въ позднѣйшихъ изданіяхъ греческаго евхологіи нѣтъ. *Серединскій. „Особенности въ богослужебныхъ обрядахъ и обычаяхъ Русской и Греческой церкви“.* Хрест. Чт., 1871 г., Окт., стр. 360.

сомнѣнію. „Въ восьмой день, пишетъ Несторъ о родителяхъ Θεодосіа, послѣ рожденія принесоста къ іерею, „яко же есть обычай вѣрстѣяномъ, да имя дѣтищу нарекутъ (¹).“ Но какъ происходило это нареченіе имени, для этого мы не имѣемъ никакихъ данныхъ до самаго XIV вѣка.

Что касается до этого времени, то здѣсь положительно извѣстно, что совершенію крещенія въ этомъ вѣкѣ предшествовалъ чинъ нареченія имени новорожденному младенцу въ осьмой день и при томъ совершался также, какъ и въ греческой церковной практикѣ XIV вѣка. Такимъ образомъ, при нареченіи имени въ это время читалась таже самая молитва, которая читается и теперь, но, согласно съ практикою церкви греческой, не читался положенный въ настоящее время тропарь: „Радуйся благодатная Богородице Дѣво (²).“ Съ тѣми же особенностями, сравнительно съ его совершеніемъ въ настоящее время, встрѣчаемъ мы этотъ чинъ и въ послѣдующемъ за тѣмъ XV вѣкѣ (³).

Тѣмъ не менѣе, не всѣ чины послѣдняго времени въ данномъ случаѣ одинаковы по своему изложенію, одни изъ нихъ короче, а другіе — полнѣе. Въ первомъ случаѣ мы не встрѣчаемъ предъ чтеніемъ молитвы никакого устава и никакого дополненія послѣ нея. Чины такого рода совершенно напоминаютъ собою греческіе древніе чины (⁴). Въ чинахъ втораго рода, послѣ молитвы помѣщается замѣтка „аще будетъ больно дитя...“, а въ началѣ излагается уставъ въ такомъ видѣ: „подобаетъ вѣдати, яко по рождествѣ въ 8 день приносится младенецъ бабою. Взимаючи дитя и творитъ пощъ надъ нимъ молитву предъ дверьми церковными“ (⁵).

(¹) «Русскій Историч. Сборникъ». М. 1840. Томъ IV. стр. 447.

(²) Служ. ркп. Соф. библ. № 526. 87.

(³) Служ. ркп. Соф. библ. № 836. л. 153; № 837 л. 299; треб. ркп. Соф. библ. № 1064. 53 (Душ. чт. 18/7, II, стр. 263); треб. ркп. М. С. библ. №№ 273 и 374; Опис. III, 1, 158 и треб. ркп. Солов. биб. № 1107 л. 37; № 1085 л. 170 и об. № 1086 л. 225—226.

(⁴) Треб. ркп. Солов. б. № 1085. л. 170.

(⁵) Треб. ркп. Солов. б. № 1086. л. 225.

При этомъ, въ послѣднемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тою особенностію, какую встрѣтили и въ одномъ греческомъ чинѣ XVI вѣка, а именно, знаменованіе должно совершаться не предъ молитвою, а послѣ нея. „И по аминѣ, говорится въ одномъ чинѣ, знаменуетъ ему чело, уста и перси и отпустить“⁽¹⁾. Благодаря этому факту, мы можемъ думать, что въ практикѣ греческой церкви была такая особенность не только въ XIV вѣкѣ, но и въ XV. Судя впрочемъ по единичности памятника, нужно думать, что назнаменованіе отроцати въ послѣднемъ родѣ рѣдко практиковалось въ Русской церкви.

Временемъ совершенія акта нареченія имени, судя по надписаніямъ относящихся сюда чинопослѣдованій, былъ, какъ и прежде, 8 день. Это подтверждается и другими свидѣтельствами. „При рожденіи младенца, приходитъ священникъ, читаемъ мы изъ одной кормчей этого вѣка, и даетъ молитву прежде очистительную родительницѣ... и потомъ наречетъ имя родившемуся младенцу въ 8 день, пріемля имя“⁽²⁾. Буквально тоже самое мы находимъ относительно этого въ посланіи митрополита Фотія въ Псковъ въ 1419 г.⁽³⁾ Но принимая во вниманіе тотъ фактъ, что самъ же Фотій, какъ увидимъ ниже, убѣждалъ крестить дѣтей какъ можно скорѣе, есть полное основаніе думать, что въ XV в. нареченіе имени совершалось иногда и ранѣе 8 дня.

Въ XVI вѣкѣ разсматриваемый чинъ сравнительно съ его изложеніемъ въ короткой редакціи XV вѣка, существовалъ безъ всякаго измѣненія. По прежнему читалась одна только молитва безъ тропаря: „Радуйся благодатная“, а въ изложеніи чина какъ и прежде, не полагалось никакого устава⁽⁴⁾. Назнаменованіе младенца, какъ и прежде, совершалось ино-

(1) Ibid., л. 225 об. и 226.

(2) Кормч. рук. Солов. библ. № 476, л. 447.

(3) «Русск. Историч. Библ.», томъ VI, Спб. 1880 г., стр. 416.

(4) Трѣбн. ркп. Солов. библ. № 1062 л. 101; № 1063 л. 3. № 1166 л. 134; № 1067, 109; № 1085, 14; № 1088 л. 96; № 1089 л. 115 (См. «Странникъ», Апр. 1881, 358); ркп. М. Синод. библ. № 377 л. 48 об. (Опис. III; 1, 209); ркп. Солов. библ. № 1090 л. 198 об.; № 1091, 198, № 1090.

гда послѣ чтенія молитвы (1). При этомъ священникъ произносилъ—или: „знаменается крестъ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа на рабѣ Божіемъ во имя отца и Сына и Святаго Духа“ (2) или просто „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (3). Въ послѣднемъ случаѣ къ троекратному назнаменованію младенца присоединялось еще троекратное дуновение на него. Заглавіе чина чина обыкновенное; только въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ его въ такомъ видѣ: „молитва знаменати младенца — чело, уста и перси, имя нарещи ему во осьмой день“ (4).

На ряду съ практикою совершать нареченіе имени въ 8-й день, въ XVI вѣкѣ, существовала и иная практика: нареченіе совершалось иногда ранѣе этого времени. „Послѣ рожденія ребенка, говоритъ *Герберштейнъ*, тотчасъ призываютъ священника, который читаетъ известныя молитвы предъ дверью комнаты, гдѣ находится родительница и даетъ младенцу имя“ (5).

Въ XVII вѣкѣ разсматриваемое чинопослѣдованіе достигло полнаго своего развитія, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней. Но развитіе это совершилось не вдругъ, а постепенно. Въ первое время изданія печатныхъ требниковъ, именно до изданія потребника 1636 года, оно существовало въ томъ же видѣ, какъ и прежде, т. е., безъ устава, безъ обычнаго начала и безъ тропаря въ концѣ (6).

Но въ потребникѣ 1639 года и послѣдующихъ изданіяхъ предъ молитвами напечатано обычное начало съ нѣкоторыми отличіями отъ изложенія этого начала въ современномъ чи-

(1) Служ. ркп. Синод. библ. № 358. л. 156—159.

(2) Ibid., л. 163—4.

(3) Ibid., л. 158—9.

(4) Требн. ркп. Солов. библ. № 1099, л. 3.

(5) *Starczewski* «Histor. Ruthen. Scriptor», Vol. I. Berol. et Petropol. 1841. I. *Gerberstein*: «Comm. rer. moscovit.», pag. 26. Другія подтвержденія этого см. въ соч. *Дмитріевскаго* «Богослуж. въ Рус. Церкви въ XVI в.» ч. I. Казань, 1883 г. стр. 251—252.

(6) *Филаретъ* (іером.) «Опытъ смѣч. чинос. по кн. изд. при пер. патр.» М. 1875 г. стр. 11. Служб. 1622 г. л. 427 об. Треб. 1635 г. и пр.

нѣ назнаменованія отрочати. „Иглаголетъ (іерей), говорится здѣсь,—Благословенъ Богъ нашъ, посемь—Царю небесный и Трисвятое, по Отче нашъ, возгласъ—яко твое есть царство.. Посемь тропари дню и храму и прилучившагося святаго, слава и нынѣ... молитвами всѣхъ святыхъ“ (¹).

Со времени Никона въ этомъ чинѣ является уже и тропарь: „Радуйся, благодатная“... Впрочемъ, привнесеніе тропаря мы встрѣчаемъ и раньше въ требникѣ Могила (²). Срокомъ знаменованія и теперь считался 8-й день, но дозволялось иногда совершать это и въ другое время или тотчасъ по рожденіи. По крайней мѣрѣ въ одномъ заглавіи этого чина, въ печатномъ требникѣ, говорится: „положеніе св. отецъ... о нареченіи имени младенцу въ осьмой день, или какой прилучится (³).

Тоже бывало и въ XVIIIв., какъ можно думать на основаніи свидѣтельства иностранна *Корнилія-де-Бруина* (путеш. 1701 — 1705 г.) „какъ только родится у кого дитя, говоритъ онъ, тотчасъ посылають за священникомъ, чтобы отправить молитву очищенія. Къ новорожденному не пускають никого прежде прибытія священника. По прибытіи священника новорожденному даютъ имя (⁴).

(¹) *Филаретъ*. «Опытъ слѣд. чиновослѣд.», стр. 11.

(²) *Могила*. «Требн.» изд. 1646 г., стр. 24—26.

(³) «Служоб.» изд. 1622 г., 423.

(⁴) *Корнилій-де-Бруинъ*. «Путешествіе черезъ Московію.», «Что въ общ. истор. и древн.» 1872 г., кн. II, отд. IV, стр. 113.

Примѣч. Излагая исторію чина нареченія имени младенца въ практикѣ русской церкви и практикѣ церкви греческой съ VIII—IX вв., мы оставили совершенно въ сторонѣ отъ историческаго обзорѣнія довольно длинный рядъ тѣхъ молитвъ, которыя издревле помѣщались въ рукописныхъ греческихъ свологіяхъ и славянскихъ требникахъ при этомъ чинѣ и которыя относятся или къ матери младенца, или къ лицамъ, имѣющимъ то или другое отношеніе къ его рожденію, или наконецъ, даже къ предметамъ, связаннымъ съ его рожденіемъ (назъ, наприм., домъ, гдѣ младенецъ родился); таковы, напр.: «молитва дѣти въ колыбель класти», молитва «женѣ по рожденіи и женомъ, прилучившимся на рожденіи томъ»; «молитва бабѣ дѣтвиной»; молитва «храму, въ немъ же дѣтя родится» и др. Такъ сдѣлали мы потому, что эти молитвы, по нашему мнѣнію, совершен-

но не относятся къ чину крещенія. Къ послѣднему относятся лишь только то, что назначено именно для лица, принимающаго крещеніе; а эти молитвы вислоько не назначаются для младенца, принимающаго это таинство, а если и имѣютъ какое-либо отношеніе къ нему, то имѣютъ—не къ крещенію его а къ его рожденію. Тѣмъ менѣе ихъ можно относить къ составнымъ частямъ чина нареченія имени младенцу, какъ это дѣлають *Одинцовъ* («Обществ. и частн. Богосл. въ Россіи до XVI в. См. Душ. чтеніе 1877 г. Ш стр. 263.), г. *Дмитріевскій* (Богослуж. въ Русской церкви въ XVI в., ч. 1, стр. 241—256), когда рассматриваютъ ихъ въ связи съ этимъ чиномъ. Правда есть богослужебныя памятники, въ которыхъ всѣ эти молитвы составляютъ отдѣльную самостоятельную главу съ записью или: «молитва дитяти ина наречи» (Требн. ркп. М. Синод. библ. № 377, л 48 об.—50, или: «Потруженіе смиреннаго Кипріяна, митрополита Кіевскаго и вса Руси — како подобаетъ заименати отроча». (Ркп. Синод. библ. № 378; л 504—511); но такихъ памятниковъ такъ мало, что самъ же г. *Дмитріевскій*, при всемъ своемъ основательномъ знакомствѣ съ древними богослужебными памятниками, находитъ ихъ только два («Богосл. въ Рус церкви въ XVI в. ч 1». стр. 252). Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ всѣ эти молитвы, равно какъ и молитва нарѣченія имени поставлены особыми заглавіями. Это съ одной стороны, съ другой, — если бы всѣ онѣ относились къ чинопослѣдованію „названенованіе отрочати“, то въ такомъ случаѣ мы не встрѣтили бы такого удивительнаго разнообразія въ ихъ порядкѣ въ древнихъ богослужебныхъ памятникахъ, какое есть на самомъ дѣлѣ. Насколько намъ известно, въ исторіи крещательнаго чина, древніе богослужебные памятники можно упрекнуть только въ разнообразіи порядка и состава дѣйствій, сюда относящихся, но никакъ не въ разпорядкѣ молитвъ того или другаго чинопослѣдованія, связаннаго съ чиномъ крещенія вообще. По нашему мнѣнію, всѣ эти разнообразныя молитвы нужно отнести къ группѣ молитвъ на разные случаи. За это говорить ихъ во все время не установившаяся опредѣленность въ распорядкѣ, при изложеніи въ требникахъ и ехнологіяхъ. Помѣщеніе же ихъ при чинѣ крещенія вообще,—очень понятво, дѣлалось въ силу близости во времени рожденія младенца и совершенія крещенія надъ нимъ. Равнымъ образомъ и помѣщеніе ихъ при чинѣ нарѣченія имени очень естественно, такъ какъ послѣдній есть первый (по времени) актъ, принимаемый крещаемымъ младенцемъ, и весьма твердо совершался тотчасъ же по его рожденіи, т. е. въ то время, когда полагалось и чтеніе этихъ молитвъ.